

Васил Проданов²

ОТ МОНОПОЛЯРНОГО К МУЛЬТИПОЛЯРНОМУ МИРУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

1. Национальные интересы и национальные государства

Идее защиты национальных интересов предшествует идея защиты государственных интересов, которая впервые появляется в работах Никколо Макиавелли в начале XVI века. В дальнейшем она воплотилась в реальной политике Франции во время правления Ришелье и Тридцатилетней (религиозной) войны в Европе. Первоначальная версия — это понимание разума государства (*Raison d'État*), или интереса государства. Меркантилизм как экономическая политика становится типичной защитой государственных интересов. Эта идея получает свою легитимность в международном праве в Вестфальском договоре, заключением которого в 1648 году завершилась Тридцатилетняя война. В нем особо отмечается, что любое государство обладает высшим и абсолютным суверенитетом на соответствующей территории и задачей государства является защита этого суверенитета, который отстаивает интересы всех граждан, живущих в нем. Проводится в жизнь

и идея политического реализма в международных отношениях, связываемого с ясной дефиницией соответствующих государственных интересов и обеспечением государственных усилий для их реализации.

Позднее, с появлением национального государства (последние десятилетия XVIII в.), государственный интерес становится национальным в результате гомогенизации населения и формирования нации как субъекта, легитимизирующего государства.

Можно выделить несколько основных элементов национальных интересов: а) экономический, связанный с увеличением национального богатства; б) политический, соотносимый с полным, целостным суверенитетом на соответствующей территории; в) культурный, связанный с необходимостью гомогенизации населения через общий язык, религию, культуру, историю, идентичность, для этого создаются национальные системы воспитания, образования, «мягкой силы», идеологический аппарат (в выигрышной позиции оказывается страна, создающая сильную идентичность, соответственно культурный и социальный капитал, и получающая возможность воздействия на другие страны); г) военный или силовой, обусловленный дефиницией современного государства как институции, обладающей возможностью принуждения на соответствующей территории, для чего ему необходимы сильная армия, полиция, разведка, контрразведка, эффективная карательная система. Когда все это начинает разрушаться, государство теряет способность защищать общие интересы. В наивысшем развитии государство в данном понимании (с превосходством на-

² Профессор Университета национального и мирового хозяйства (София, Болгария), член-корреспондент Болгарской академии наук, доктор философских наук. Главный секретарь Болгарского философского общества (1978–1989), директор Института философской науки (1988–1992) и Института философских исследований БАН (1995–2010). Автор более 500 научных публикаций, в т. ч. 21 монографии: «Добро и дльжимо», «Познание и ценности», «Биосоциальные ценности», «Биоэтика», «Гражданское общество и глобальный капитализм», «Насилие в современную эпоху», «Будущее философии», «Социология философии», «Теория болгарского перехода» и др. Член редколлегии ряда научных журналов.

циональных интересов) существовало после Второй мировой войны до 1970-х годов.

Национальные интересы не есть нечто данное в готовом виде, они связаны с интерпретацией, которая может быть противоположной у различных политических сил и идеологий в одной стране. Когда политические силы связаны с каким-либо крупным государством, они трактуют национальный интерес в тесной связи с интересами данного государства. Именно поэтому такой глобальный гегемон, как США, вместе с исламским миром в последние десятилетия является основной структурой, создающей в мире глобализованные идеологические аппараты, интерпретирующие интересы различных государств в соответствующем идеологическом контексте, с тем чтобы формировать внутри них своих сторонников и предлагать данную интерпретацию.

В зависимости от места, которое занимают государства в мировой системе, они располагают различными ресурсами для защиты и формирования национальных интересов. Одни входят в государства капиталистического центра, где раньше начинает реализовываться политика такой защиты, другие находятся на полупериферии и периферии. В находящихся на периферии и в немалой части полупериферийных государств формируются компрадорские элиты, которые следуют интересам не своих государств и народов, а внешней силы, обыкновенно связанной с капиталистическим центром.

Еще сложнее обстоят дела с государствами, которые находятся не только на полупериферии, как, например, балканские государства, но и на геополитической периферии (где действуют крупные силы), и периодически попадают в альтернативные зоны зависимостей. Поэтому в них формируются фило и фобы, связывающие национальные интересы с различными геополитическими силами. Это влечет за собой деструктивные последствия для формирования гомогенной национальной идентичности и приводит к феномену «Балканы — пороховой погреб Европы».

Даже в России мы имеем разделение на западников (либералов) и почвенников, преодоленное при ленинском варианте построения социализма в отдельно взятой стране, в котором сочеталась западническая универсалистская идеология марксизма со спецификой России. Однако на определенном этапе она проиграла битву идеологическому аппарату неolibерального американского капитализма, что привело к новому господству западников (либералов), результатом чего в 1990-е годы стали процессы распада. Сейчас, с упадком глобального гегемона, наблюдается возвращение к цивилизационной концепции национальных интересов и маргинализации западников.

2. Национальные интересы в биполярном, монополярном и мультиполярном мире

Формулирование и реализация национальных интересов осуществляются различным образом в условиях биполярного, монополярного и мультиполярного мира.

В условиях *биполярного мира* после 1945 года идеологическое и политическое противостояние двух

мировых систем в бывших социалистических странах утверждается с помощью идеи единства интернационализма и патриотизма, сочетающих национальные интересы и интересы всей общности. СССР делает акцент на интернационализме, но начиная с 1960-х годов в различных социалистических государствах возникают проявления национализма, акцентируются национальные интересы, что приводит к конфликтным ситуациям (прежде всего с Китаем, в дальнейшем в той или иной степени с Чехословакией, Румынией и др.). Перестройка, в сущности связанная с отказом Горбачева от интернационализма в отношениях с остальными государствами и восприятием экономической политики на чисто рыночной основе (оставив в стороне политические и военные интересы), привела не только к развалу СССР, но и к распаду Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) и Варшавского договора. Существенный акцент на национальных интересах был поставлен Ельциным, считавшим, что России лучше защищать свои интересы без более бедных республик Центральной Азии, что в сочетании со стремлением местных элит к автономии привело к распаду Советского государства. В сущности, проблемой и во время перестройки, и во время распада СССР было неадекватное понимание национальных интересов как чисто экономических, без учета военных, политических, геополитических, геокультурных, геознергетических измерений.

Так, в конце 1980-х годов мир приходит к *монополярности* во главе с США, которые задают правила игры и определяют, что является правильным или неправильным в поведении различных государств. Были объявлены три «конца» — конец истории, конец географии и конец государства.

«Конец истории» означал, что существует только одна легитимная модель развития — американская, которая должна везде насаждаться. В этом контексте были объявлены концепции «гуманитарной интервенции», под эгидой которой была проведена, например, бомбардировка Югославии.

«Конец географии» означал, что национальные границы уже не имеют своего прошлого (времен суверенных национальных государств) значения и мы движемся к глобализованному миру без границ и свободной миграции людей, товаров и капиталов. Теперь правила определяются с помощью так называемого Вашингтонского консенсуса Международным валютным фондом и Всемирным банком.

«Конец государства», объявленный ультралибералами, такими как Кэньити Омаэ, предполагает, что примерно к 2025 году государство постепенно превратится в формальную оболочку чего-то, что уже не имеет значения, за счет транснациональных корпораций и глобального рынка.

В этом контексте понятие «национальные интересы», связанное с границами, утратило свое значение. Получили развитие тенденции демонтажа государств, особенно в бывших социалистических странах. Идея национального интереса была заменена универсальными неolibеральными ценностями — так называемыми европейскими или евроатлантическими цен-

ностями. *Вместо учета интересов начали говорить о ценностях, которые, однако, представляли собой глобализованную универалистскую неолиберальную гегемонную идеологию США, с которой должны были считаться остальные.* Так, в международных отношениях политический реализм, обусловленный соотношением национальных интересов, был заменен политическим идеализмом, ставящим во главу угла государственные ценности — как прикрытие интересов одного государства, занимающего позицию гегемона. Там, где идеологическая мощь США была особенно сильной, начались процессы распада национальной лояльности, идентичности, единого понимания истории, уничтожение памятников, общих символов, разрушение общей ценностной системы, культурного и социального капитала.

Под лозунгами евроатлантических и демократических ценностей США проводили интервенции и «цветные» революции. Однако были получены результаты, обратные намерениям США. Везде вмешательство Америки привело к распаду и тяжелому кризису обществ, независимо от того, идет ли речь о Северной Африке или о постсоветском пространстве. Военные вторжения в Ирак, Югославию, Афганистан, Ливию и десятки других государств, в которых неофициально, через дроны или спецчасти действовали США, также привели к деструктивным для государств и соответствующих национальных интересов последствиям.

Либеральному мультикультурализму сопутствует тенденция этнонациональной фрагментации в результате возрастающего неравенства. Именно в условиях глобализованного неолиберального капитализма во главе с США ускорился распад государств. Только за последнюю четверть века появилось более 30 новых государств, каждое из которых преследует свои интересы, и наблюдается тенденция к их увеличению. В настоящее время европейский свободный рынок вызывает социально-экономические различия и противоречия между отдельными регионами, неравенство между ними, причем более богатые или считающие, что они выиграют в экономическом плане, стремятся к отделению (начиная от Шотландии и Каталонии и заканчивая проблемами разделения между Фландрией и Валлонией).

В конечном счете с начала XXI века в связи с процветанием Китая и других стран БРИКС, резким увеличением задолженности США, восстановлением России начали говорить о тенденции к *мультиполярному миру*. Оказалось, что страны, которые смогли сохранить свои государства и идентичность (в этом отношении типичным примером является Китай), обладают преимуществом. В этой ситуации предыдущие американизированные неолиберальные идеологемы о «конце истории», «конце географии» и «конце государства» начали распадаться. Даже отец идеи о «конце истории» Фрэнсис Фукуяма признал, что китайские лидеры принимают более рациональные экономические решения, чем американские¹. На место идеи о «конце географии» пришла идея о возвращении геополитики, которая пред-

полагает и возвращение государства, пытающегося осуществлять легитимный контроль на своей территории.

Появились концепции постглобализации и деглобализации в контексте резко увеличивающейся нестабильности и всякого рода опасностей. Это делает вопрос об усилении суверенитета государства на соответствующей территории особенно важным в контексте предотвращения нестабильности. На месте предыдущих уничтоженных стен между государствами началось ускоренное возведение новых. С 1945 по 1989 год было создано 19 стен между различными государствами; в конце холодной войны, в 1991 году, их число уменьшилось до 12. С зарождением мультиполярного мира количество стен резко увеличилось и в 2014 году уже составляло 64, то есть в шесть раз больше². Только в 2015 году 15 государств принимают решение начать возведение оградений³. Берлинская стена, падение которой было объявлено триумфом либеральной демократии и символом исчезновения ограничений коммунизма, — карлик по сравнению со стеной между США и Мексикой (3200 км). Возвращение границ — это возвращение национальных государств, которые сохраняют суверенитет и следуют своим интересам в рамках данных границ.

В этих условиях США ведут отчаянную борьбу за сохранение своей глобальной гегемонии с помощью нескольких основных механизмов: а) продвижение Транстихоокеанского и Трансатлантического соглашений о свободной торговле, с помощью которых будет обеспечено влияние американизированного глобального рынка и реализован процесс «обессиливания» государств в рамках трансатлантического и транстихоокеанского пространств (препоны России, Китаю, Ирану в рамках Евразии); б) действия по созданию контролируемого хаоса на территории Ближнего Востока, Центральной Азии, которые должны привести к «обессиливанию» России; в) новая холодная война, насыщенная новыми составляющими, начиная с кибер-, прокси-войн (с помощью частных формирований и агентств, занимающихся разведкой) и заканчивая сочетанием множества действий, характеризующих так называемую гибридную войну.

3. Тенденции возвращения национальных интересов и возрастающие конфликты в ЕС

Американизированная неолиберальная глобализация привела в рамках ЕС к кризису Вестфальской системы государственного суверенитета и обусловила возвращение средневековой ситуации ограниченного суверенитета, при которой отношения между государствами, регионами и Евросоюзом напоминают период до Тридцатилетней религиозной войны в Европе. ЕС, подобно Священной Римской империи германского императора, обладает ограниченными полномочиями на отдельных территориях, где переплетается множество различных суверенитетов. Это приводит к хаотичным, кризисным процессам и фрагментарности,

² *Borders F, Walls. State of Insecurity?* / ed. by E. Vallet. Ashgate, 2014. P. 2.

³ См.: *More neighbours make more fences* // *The Economist*. 2015. 15 Sept.

¹ См.: *Fukuyama F. The Future of History* // *Foreign Affairs*. 2015. Jan./Febr.

наблюдаемым в настоящее время в Евросоюзе, тенденциям, которые наблюдались и в конце существования Священной Римской империи. Налицо приватизация безопасности и войны, что было характерно для периода до Вестфальского мира, причем основная система безопасности передана в руки частных субъектов. Существует более 700 частных армий (5 млн человек), которые воюют в 110 государствах, их годовой доход превышает 240 млрд долларов. Это возвращает мир в эпоху международных отношений, существовавших до Вестфальской системы. В Болгарии количество людей, работающих в частном бизнесе, в несколько раз больше, чем работников государственных учреждений, но нестабильность, несмотря на это, намного выше, чем во времена социализма.

Рассмотрим в качестве примера Болгарию в составе ЕС. Впервые в своей Новой истории у нее официально резко ограничен суверенитет, что затрудняет формулирование и реализацию каких бы то ни было национальных интересов, в результате действия трех основных факторов: а) **политического**: большая часть законодательства ЕС зависима от влияния извне; при попытке проведения самостоятельной политики в отношении США существует опасность «цветной» революции; политическая элита зависима от иностранных посольств и служб разведки, при этом болгарские структуры безопасности почти ликвидированы; б) **геополитического**: на территории Болгарии размещены иностранные военные базы, ее армия почти ликвидирована, что создает предпосылки для вовлечения Болгарии как пассивного участника в новую холодную войну; в) **экономического**: Болгария существует в условиях свободного рынка, что приводит к ее периферизации и увеличению социально-экономической дистанции по отношению к западноевропейским странам.

Число государств в мире в период после Второй мировой войны до 2015 года возросло втрое, то есть мы наблюдаем ускоренную фрагментацию мира и создание новых государств, которые должны достичь гомогенности населения на своей территории и сформировать национальную лояльность и идентичность. Увеличивается число государств в Европе, за последние четверть века только на Балканах оно удвоилось. В начале 1990-х годов при посещении Центра стратегических и международных исследований Збигнева Бжезинского в Вашингтоне я увидел карту (сценарий) разделения Европы на двести небольших государств. Такая тенденция, как кажется, становится все более реалистичной не только для Европы. На Ближнем Востоке происходит радикальное изменение границ и числа государств.

Наряду с кризисом государства развивается и кризис национальной идентичности, которая была сформирована в прошлом в условиях сильных национальных государств, кризис социализирующих и систем воспитания (опирающихся на патриотизм), замененных либеральным индивидуализмом, атомизацией и лозунгами о правах человека и мультикультурализме, замещающем национальную идентичность. Ослабление государств резко затруднило формулирование как национальных стратегий и национальных интере-

сов, которые поддержало бы большинство населения, так и национальных интересов, с которыми они идентифицируются и которые оно было бы готово защищать. В ЕС (в высокой степени) наблюдаются утрата национальной лояльности и отсутствие готовности защищать национальные интересы. Согласно глобальному исследованию “WIN/Gallup International”, проведенному в конце 2015 года, 61 % опрошенных из 64 стран во всем мире готовы сражаться за свою страну, а 27 % этого бы не сделали. Самые низкие показатели характерны для европейских государств. В Нидерландах готовы сражаться за свою родину 15 % граждан, в Германии — 18 %, в Бельгии — 19 %, в Италии — 20 %, в Великобритании — 27 %, во Франции — 29 %. Показатели болгар близки к показателям западноевропейцев: 25 % болгар готовы сражаться за свою родину, в то время как 47 % — нет. В Российской Федерации готовы сражаться за свою родину 59 %, а в Китае — 71 %¹.

Однако реальность в Европе такова, что конфликты и опасности, которые требуют усиления государства, национальной лояльности, идентичности, готовности к защите национальных интересов, стремительно увеличиваются. Получает развитие серия конфликтов и противоречий (за счет общеевропейской солидарности и свободного рынка товаров, услуг и людей), которые укрепляют тенденцию к возвращению национального суверенитета и национальных интересов. Среди них — конфликт на Украине и новая холодная война с Россией, война на Ближнем Востоке, новое своеобразное Великое переселение народов из Азии, Ближнего Востока и Африки в Евросоюз, провал политики мультикультурализма и объединение социально-экономических и этнорелигиозных неравенств, возрастающие опасности, связанные с терроризмом. К ним добавляется неравенство как результат общеевропейского рынка, отодвигающего на периферию Южную, Юго-Восточную, Центральную Европу, а также возрастающее неравенство внутри отдельных государств. Проявляются существенные противоречия между свободным рынком и минимальными возможностями регулирования со стороны брюссельских институтов, так как политическая интеграция значительно запаздывает. Деструктивные последствия обуславливают противоречия между общеевропейской монетарной политикой и национальной фискальной политикой, разделение между шенгенскими и нешенгенскими государствами, между вступающими в Еврозону и находящимися за ее границами. В целом, в ЕС особенно сильно чувствуется ослабление национальных государств, обусловленное наднациональными корпорациями и утечкой капиталов, ограниченными возможностями налогообложения из-за налоговой конкуренции. В этих условиях наблюдаются кризис либеральной демократии и возрастающее усиление антисемитских движений и партий, ратующих за возвращение национального государства и национальных интересов.

¹ См.: Трое из пяти в мире готовы сражаться за свою страну, показывает глобальное исследование “WIN/Gallup International”. URL: <http://www.gallup-international.bg/bg/%D0%9F%D1%83%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8/2015/220-WIN-Gallup-International%20E2%80%99s-global-survey-shows-three-in-five-willing-to-fight-for-their-country> (дата обращения: 18.12.2015).

Неолиберальный рынок сталкивается с идеей европейской солидарности, и если Трансатлантическое соглашение будет заключено, это усилит противоречия и вероятность конфликтов и распада Европейского Союза. В условиях возрастающего неравновесия такие процессы, как

выход Великобритании из ЕС после референдума, новые проявления сепаратизма в Шотландии, Каталонии или на Балканах, где Турция и исламский мир проводят новые цивилизационные разделительные линии, могут сыграть роль пускового механизма процессов распада.